

Я чувствовала, будто все мои мысли унесло ею, осталось лишь сердце — да и то наполовину. В этой половине теснились всего пять слов: «Вэй Хуань так прекрасна». Никаким другим мыслям сюда уже не было хода. И хорошо: зачем им сюда? Сердце моё и так мало, его целиком заполнила одна А-Хуань, куда уж больше? Лопнет ведь.

Вэй Хуань, не дождавшись от меня слов, тоже молчала, лишь всё ниже склоняла раскрасневшееся лицо. Её дыхание касалось моей руки, лежавшей у неё на коленях. Я отчётливо видела: каждая волосинка на её лице алела, каждая пора излучала зримое тепло. Отчего же она так смутилась? Не знаю. И знать не хочу. Лишь бы этот миг длился вечно, чтобы рука моя навсегда осталась на её коленях, никогда не разлучаясь.

Экипаж вдруг дёрнулся, послышался резкий стук в дверь и нетерпеливый голос Ли Жуй: «Чанлэ, что ты там копаешься? Не выйдешь сейчас — велю дверь выломать!»

Вэй Хуань вздрогнула и отбросила мою руку. Я, сама не заметив как, прильнула к ней боком, и от толчка чуть не грохнулась вперёд. Она схватила меня, да с такой силой, что я опрокинулась ей на колени. Пока она меня поднимала, Ли Жуй уже распахнул дверь. Увидев мою нестройную позу, он поморщился: «Опять в экипаже задремала? Говорил же — лучше бы верхом поехала.»

Я молча опустила голову. Он, видимо, решил, что я заупрямилась от его слов, и тут же перевёл гнев на Вэй Хуань: «Как служишь? Быстро приведи её в порядок! Молодые господа Сюй уже вышли встречать.»

Услышав, как он журит Вэй Хуань, я почувствовала, как в груди закипает злость, и уже собиралась возразить, но она крепко сжала мне руку и тихо окликнула: «Эрнян.»

Я в суматохе обернулась: «Что?»

Она поднялась, поправила моё платье, надела на меня шляпу с вуалью, вышла из экипажа и протянула руку, чтобы помочь мне сойти.

Ли Жуй тоже протянул руку, но я проигнорировала его и, опершись на плечо Вэй Хуань, спустилась на землю. Он нахмурился: «Сыцзы, мы пришли выразить соболезнования, не дури.»

Я улыбнулась ему и понизила голос: «Старший брат — князь Цзи, как можешь заниматься таким низким делом? Пусть лучше Вэй Хуань поможет.» Затем отступила на шаг: «Прошу, иди вперёд.»

Он с досадой взглянул на меня, повернулся и пошёл навстречу сыновьям Сюй Цзинцзуна, чтобы обменяться приветствиями, а затем направился в зал для подношений. После кончины канцлера все обряды вели распорядители от Министерства ритуалов, и я просто последовала за Ли Жуюем, совершив положенные поклоны. Внутри я приподняла вуаль, сказала сыновьям Сюй: «Примите мои соболезнования» — и вышла.

Ли Жуй, выйдя вслед, спросил: «Возвращаешься во дворец или куда ещё? Если хочешь прогуляться — я тебя сопровожу.»

Я ответила: «У меня и своих охранников хватает. В Восточной столице я уже ориентируюсь, сама прогуляюсь. Возвращайся в свою резиденцию.»

Он, заметив мою обиду, смущённо почесал затылок и заговорил умиротворяюще: «Сыцзы, брат не к тому, чтобы тебя ущемить. Просто матушка послала нас, чтобы оказать почтение

покойному канцлеру Сюй. А ты в экипаже задержалась, чиновники из Министерства ритуалов всё видели. Непорядок.»

Я понимала, что он прав, но злость не унималась: «Я такая, какая есть. Что сделаешь? Подашь докладную на меня?»

Ли Жуй строго взглянул на меня: «Что за вздор! Взрослая уже, а ведёшь себя как дитя. Я твой родной брат, разве не могу сделать замечание, если ты неправа? И чего дуешься? Будешь так — больше никуда с собой не возьму.» Затем перевёл взгляд на Вэй Хуань: «А вы, слуги, не потакайте ей попусту. Где надо — напомните о должном, в важных делах — держитесь строго. Особенно ты. Если в канонах чего не понимаешь — спрашивай у учителей из Внутренней школы, не толкуй по-своему, не искажай смысла слов Шэнжэня и не сбивай с пути принцессу. Если доведёшь до беды — не Вашему Величеству даже вмешиваться, сами распорядители с тобой разберутся.»

Кровь бросилась мне в голову, в глазах потемнело от ярости — так и рванулась было дать ему пощёчину. Вэй Хуань вовремя удержала меня, склонив голову в покорности: «Вина моя. Благодарю князя Цзи за наставление.» Затем тихо качнула мою руку: «Разве ты не собиралась навестить Цуй Вторую? Пойдём поскорее.»

Я глубоко вдохнула, опустила голову, сжала губы: «Идём.» Хорошо, что вуаль скрыла моё лицо, и Ли Жуй не разглядел его выражения. Он лишь отдал приказ своей охране: «На улице людно, оберегайте Сыцзы. Когда вернётся во дворец — доложите мне.» Затем обратился к моей свите: «Раз навещаете родню — пышной процессии не нужно. Пусть только ближние охранники сопровождают верхом. В эти дни много беженцев, смотрите, чтобы к экипажу не приближались.»

Вэй Хуань снова поклонилась Ли Жую, встала позади меня и, слегка подталкивая, помогла взойти в экипаж. Только внутри она взяла мою руку и сказала: «Князь Цзи — твой старший брат. Сделать замечание сестре — дело обычное. Да и прав он был. К чему тебе с ним препираться?»

Я отвернулась и молчала. Она приблизилась, снова взяла мою руку: «И с таким лицом ты собираешься к Цуй Мин-дэ?»

Я фыркнула: «А тебе разве не обидно, что он тебя отчитал?»

Вэй Хуань на мгновение задумалась, потом рассмеялась: «Я и вправду служила невнимательно. Впредь буду лучше.»

Меня это почему-то снова разозлило. Я выдернула руку: «Какое там «невнимательно»! Ты — моя. По какому праву он тебя журит? И зачем ты его слушаешь?»

Вэй Хуань нахмурилась. Она присела передо мной, немного подумала, затем осторожно подняла руку и коснулась моей щеки. Такого жеста от неё я никак не ожидала и на миг забыла о гневе, уставившись на неё широко раскрытыми глазами: «Ты... что делаешь?» Боже, если и лицо теперь откажет, и буду я на людей кривую рожу корчить да слюни пускать — какой же это позор?

Она улыбнулась мне: «Если из-за меня гневаешься — так не стоит. Он, во-первых, прав. А во-вторых — во дворце столько высоких особ, даже тебе, принцессе, порой приходится обиды сносить, не то что мне. От его слов я ни монеты не теряю. Стоит ли так распалиться? Лучше бы вон за окном мне больше показала. Я ведь в Восточной столице ни разу не была — только когда

во дворец въезжала, да в дороге краем глаза мельком видела. Даже не знаю, как здешние кварталы устроены.»

Я пристально смотрела на неё, выискивая на лице следы обиды. Но она лишь мягко улыбалась — улыбкой не служанки или подчинённой, а скорее старшей сестры, что утешает младшую. Вспомнились её слова о границе между господином и слугой, и мне захотелось снова спросить, не хочет ли она быть мне подругой. Но слова застряли в горле, перевернулись и вылились в другое: «Ты... позволь мне поцеловать тебя — и я забуду, что было. Раньше... раньше, когда я расстраивалась, няня меня целовала — и сразу легче становилось. Только няню звать полагалось, не кого другого. Но сейчас рядом лишь ты... так что... так что уж придётся тебя использовать.»

Она с изумлением посмотрела на меня. Не дожидаясь ответа, я наклонилась и точно приложила губы к её лбу. Кожа коснулась кожи, и я не удержалась — кончиком языка лизнула её у виска. В экипаже не было льда для прохлады, и на её лбу выступила лёгкая испарина, солоновато-сладкая на вкус. Сердце заколотилось, как барабан. Я с деланным спокойствием откинулась на сиденье и отвернулась, но язык водил по губам, жадно выискивая остатки её вкуса. Лишь сейчас я почувствовала, что язык снова мой — потому что её вкус, проникнув с кончика, затопил весь язык, а затем и внутренности.

Ни зимний горячий чайный отвар в декабре, ни ледяной сок сахарного тростника в июньский зной — ничто не сравнится с этим вкусом. Это мой собственный, радостный вкус.

Сознавая, что натворила, я не смела смотреть на Вэй Хуань и, открыв окошко, сделала вид, что разглядываю улицу. Долгое время она не шевелилась. Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь стуком колёс, и ни слова не говорили. Когда экипаж свернул с большой дороги в переулок и замедлил ход, она вдруг словно очнулась, приблизилась и принялась рыться в ящике у моей руки. Услышав шум, я с любопытством обернулась, якобы нечаянно коснувшись её, и естественным жестом положила руку ей на предплечье: «Что ищешь?»

<http://bllate.org/book/16278/1466425>